

Эмилий Штемпель — агент германской разведки или жертва ограничительного законодательства?

Публикация Е. А. Бочкова

19 июля (1 августа¹) 1914 г. пламя Первой мировой войны донатилось до российских границ. Германия объявила войну России. Борьба между мировыми державами разгорелась не только на фронте, но и в тылу воюющих государств. Сначала в Германии, а затем и в России были приняты законодательные акты, ограничивающие пребывание и деятельность подданных «враждебных государств». Война породила во враждующих странах не только усиление патриотических чувств, но и всплеск национализма и шовинизма. Российская империя также не стала исключением. Значительная часть русского общества оказалась охвачена антинемецкими настроениями. Власть постаралась максимально использовать антинемецкую истерию для укрепления своих позиций и решения внутрисполитических задач². Кампания по борьбе с «немецким засильем» стала одним из важнейших направлений внутренней политики самодержавия в годы Первой мировой войны. Однако необходимо заметить, что санкционные ограничения относились не только к немцам, но и ко всем подданным воюющих с Россией государств.

Политические и юридические установки этой кампании были определены именным указом императора Николая II 28 июля (10 августа) 1914 г. «О правилах, которыми Россия будет руководствоваться во время войны». В соответствии с данным указом прекращалось «действие всяких льгот и преимуществ, предоставленных подданным неприятельских государств...»³

Бочков
Евгений Анатольевич,
доктор исторических
наук, профессор,
Военная академия
материально-
технического
обеспечения
имени генерала армии
А. В. Хрулева
(Санкт-Петербург,
Россия)

Властям предписывалось задерживать «подданных неприятельских государств как состоящих на действительной военной службе, так и подлежащих призыву, в качестве военнопленных»⁴. Губернаторы и органы военного управления получили право «высылать подданных означенных государств, как из пределов России, так и из пределов отдельных ее местностей, а равно подвергать их задержанию и выдворению в другие губернии и области»⁵.

22 сентября (5 октября) 1914 г. высочайшим Указом Правительствующему Сенату были введены временные ограничения на право владения, пользования и приобретения недвижимого имущества для подданных государств, которые «состоят в положении войны с Россией». Цель принятия данного законодательного акта — ограничить возможность для граждан Австро-Венгрии, Германии и Турции⁶ заработать на продаже своего имущества и воспрепятствовать вывозу денежных средств из России в условиях войны. Положение, принятое Советом министров и утвержденное Николаем II 19 ноября (2 декабря) 1914 г., предписывало исключить подданных воюющих с Россией государств из состава союзов, обществ, товариществ и других государственных, общественных и частных организаций⁷. 31 декабря 1914 г. (13 января 1915 г.) были утверждены особые правила о порядке надзора за акционерными обществами, «учрежденными подданными враждебных России государств». На предприятия и в учреждения были назначены правительственные инспекторы, в обязанности которых входил контроль за финансовой и экономической деятельностью обществ. По состоянию на 15 (28) июля 1916 г. количество предприятий, подчиненных правительственному надзору, составляло 712, в том числе в Москве 201 (с учетом эвакуированных из Польши и Прибалтики)⁸.

По мере активизации военных действий на фронтах, расширялись и санкции в отношении проживающих в России граждан Австро-Венгрии, Германии, Турции и Болгарии. Лидер партии кадетов П. Н. Миллюков позднее был вынужден признать, что в России «шли также преследования против национальностей...»⁹ Особо широкий размах антинемецкая истерия приобрела в 1915 г. после тяжелых поражений русской армии на фронте и потери Россией значительной части своих западных территорий (Польши, части Прибалтики, Западной Белоруссии и др.). 2 (15) февраля 1915 г. Николай II именным указом утвердил три положения (закона), разработанные Советом министров, которые расширяли санкционные меры против граждан — подданных воюющих против России государств.

Первый закон «О землевладении и землепользовании в государстве Российском австрийских, венгерских, германских или турецких подданных» запрещал «означенным подданным» «впредь приобретать в пределах всего Государства Российского какими бы то ни было способами... право собственности и иные вотчинные права на недвижимое имущество, а также право владения и пользования недвижимыми имуществами, отдельное от права собственности»¹⁰. Закон заменял временные ограничения, введенные

22 сентября (5 октября) 1914 г., постоянными. В соответствии с данным законом, иностранцам воспрещалось «заведовать в качестве поверенных или управляющих (распорядителей) недвижимыми имуществами»¹¹.

Положения второго раздела указанного выше закона фактически лишали иностранцев возможности состоять на службе в акционерных обществах и товариществах, обладающих правом приобретения недвижимого имущества; занимать должности председателей, членов правления или совета. Эти лица не могли работать даже простыми служащими: «В товариществах на паях и акционерных обществах, учрежденных на основании действующих в Государстве Российском общих или местных законов и получивших право приобретения недвижимых имуществ, лица, принадлежащие к австрийскому, венгерскому, германскому или турецкому подданству, не допускаются к занятию должностей председателей и членов совета, правления, распорядительного и всех других комитетов, кандидатов в члены совета, правления и комитетов, директоров-распорядителей, уполномоченных, главных агентов, агентов, поверенных вообще и поверенных по делам горной промышленности в частности, заведывающих и управляющих недвижимыми имуществами общества или товарищества, где бы таковые ни были расположены, равно и отдельными предприятиями, где бы таковые ни находились, техников, приказчиков и вообще служащих обществ или товариществ»¹².

Второй закон «О землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев» распространял ограничительные меры на российских граждан — бывших подданных Австро-Венгрии или Германии, а также на их прямых потомков по мужской линии. Он запрещал мирским обществам (волостным, сельским), образованным из таких лиц, «всякие право-приобретения недвижимостей во всей [Российской] империи» в собственность, в залог, а также для владения и пользования¹³.

Третий закон «О прекращении землевладения или землепользования австрийскими, венгерскими и германскими выходцами в приграничных местностях» распространялся на подданных Российской империи — выходцев из Австро-Венгрии и Германии. Он предписывал им «отчудить по добровольным соглашениям» недвижимость и земельные участки, находящиеся в приграничной полосе шириной 100–150 верст. Имущество граждан, не желающих расстаться с ним «добровольно», отчуждалось в принудительном порядке и выставлялось на публичные торги¹⁴.

По мнению О. В. Ерохиной, «под действие “ликвидационных” законов подпадали в основном мелкие владельцы, как иностранные, так и (в подавляющем большинстве) российские подданные, для которых они не предусматривали никаких смягчающих обстоятельств»¹⁵. Мы не склонны разделять данную точку зрения. В соответствии с «Инструкцией о применении узаконений 2 февраля и 13 декабря 1915 года» (1916 г.) действие

ограничительных правил не распространялось на недвижимое имущество, принадлежавшее лицам, удостоверявшим:

а) свою принадлежность к православному исповеданию от рождения или переход в православие до 1 января 1914 г.;

б) свою принадлежность к славянской народности;

в) свое участие или участие одного из своих восходящих или нисходящих по мужской линии [родственников] в боевых действиях русской армии или русского флота против неприятеля в звании офицера или в качестве добровольцев, или принадлежность свою или кого-либо из означенных лиц к числу получивших награды за боевые отличия в военных действиях армии или флота, или смерть одного из своих восходящих или нисходящих [родственников] на поле брани; а также вдовам перечисленных выше лиц.

Данные льготы распространялись лишь на военные чины, входившие в боевой состав армии или флота. Лица «не сражающиеся, хотя бы и причисленные к составу вооруженных сил государства» (военно-полевые чиновники, врачи и т. п.) таких послаблений не имели. Освобождение от ограничительного законодательства не действовало также в отношении лиц, родственники которых пропали на войне без вести¹⁶. Приведенные выше примеры говорят о том, что определенные послабления для российских подданных — выходцев из Австро-Венгрии, Германии и Турции были предусмотрены действовавшим в тот период законодательством.

22 марта (4 апреля) 1916 г. высочайшим повелением императора Николая II был учрежден «Особый комитет по борьбе с немецким засильем». Председателем комитета первоначально был назначен генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов (младший)¹⁷. На заседаниях Особого комитета, состоявшихся 7 (20), 14 (27) апреля и 21 апреля (4 мая) 1916 г., был разработан проект «Положения об особом комитете по борьбе с немецким засильем». 6 (19) мая 1916 г. проект был рассмотрен Советом министров. По иронии судьбы, этот документ подписал Председатель Совета министров Б. В. Штурмер, сам являвшийся по национальности немцем. 1 (14) июня 1916 г. Положение было утверждено императором Николаем II¹⁸.

Особый комитет создавался «для объединения, согласования и руководящего направления деятельности правительственных и общественных учреждений и должностных лиц по осуществлению как действующих, так и могущих последовать узаконений и распоряжений правительства, ограничивающих права неприятельских подданных и выходцев, а также для соображения и обсуждения предположений о мероприятиях по освобождению страны от немецкого влияния во всех областях народной жизни Государства Российского...»¹⁹ Новый орган исполнительной власти создавался как самостоятельное ведомство. Однако реально комитет стал вспомогательной структурой при Совете министров. Как отмечает И. Г. Соболев, «выпускать из своих рук борьбу с “немецким

засильем», способную принести большие политические дивиденды», царское правительство не собиралось²⁰.

Несмотря на то, что Особый комитет создавался исключительно для «борьбы с немецким засильем», уже с первых дней своего существования он стал тем органом, где иностранные подданные и «иностранцы выходцы» пытались найти защиту от несправедливых, по их мнению, действий местной администрации. Многие русские подданные — этнические болгары, венгры, евреи, немцы, турки — искали пути решения своих проблем «на путях монаршего милосердия». Всеподданнейшие прошения «иностранцев» об «изъятии их от действия ограничительных правил» сопровождалось множеством нотариально заверенных справок и различных заключений. Просители доказывали свою принадлежность к русской нации, указывали на свои заслуги перед Российской империей и ходатайствовали об исключении их имущества из ликвидационных списков или сохранения права занимать определенные должности в государственных органах или коммерческих учреждениях. Кем в действительности были эти люди — тайными пособниками коварного врага или невинными жертвами военного времени?

В этом отношении весьма показательной является история присяжного поверенного Эмилия Ильича Штемпеля, попавшего в годы войны под действие ограничительного законодательства. Документы по данной теме были выявлены автором в фонде Особого комитета для борьбы с немецким засильем Российского государственного исторического архива²¹.

Эмилий Ильич Штемпель родился в 1882 г. в России. Его отец Элиас Марков Штемпель, уроженец города Броды в Галиции, имел австрийское гражданство. Мать до замужества являлась российской подданной. Семья поселилась в России, где Э. М. Штемпель сделал бизнес на торговле зерном. Сын Эмилий получил среднее образование в гимназии в Одессе, а затем окончил полный курс юридического факультета Императорского Новороссийского университета. По достижении совершеннолетия в 1903 г., еще в студенческие годы, Эмилий подал прошение о принятии его в российское подданство.

После окончания университета в 1904 г. Э. И. Штемпель поступает на государственную службу по Министерству юстиции. Анализ записей в формулярном списке показывает, что его карьера была успешной. Эмилий Ильич уверенно поднимался по служебной лестнице. В 1906–1907 гг. он был командирован в Саратовскую губернию «для производства предварительных следствий по аграрным беспорядкам и государственным преступлениям, находившимся в связи с революционным движением того времени»²². В 1908 г. молодого юриста включают в состав комиссии сенатора графа К. К. Палена, «по высочайшему повелению ревизовавшей Туркестанский край»²³. По окончании работы в Туркестане Эмилия Ильича назначают на должность товарища (заместителя) прокурора Калужского окружного суда. Заслуги Э. И. Штемпеля на поприще укрепления

правопорядка в Российской империи были отмечены орденами Святой Анны 3-й степени (1913 г.), Святого Станислава 2-й степени (1914 г.), а также Бухарской Золотой Звезды 3-й степени (1909 г.).

В 1913 г. Эмилий Штемпель круто меняет свою судьбу. Он подает в отставку и уходит с государственной службы. Переезжает из Калуги в Санкт-Петербург и вступает в Санкт-Петербургскую коллегия адвокатов. В декабре Эмилий Ильич получает должность юрисконсульта в правлении одного из крупнейших банков России — Русского для внешней торговли банка²⁴. Поступление на службу в коммерческий банк Э. И. Штемпель объясняет материальными выгодами: «В 1913 году мне представилась возможность получить место юрисконсульта при правлении Русского для внешней торговли банка, каковое место давало мне возможность значительно улучшить мое материальное положение, благодаря довольно значительному окладу жалованья»²⁵.

Здесь новоиспеченный адвокат снимает квартиру в престижном районе российской столицы (Санкт-Петербург, Каменноостровский проспект, дом № 26/28) и нанимает прислугу. По оперативной информации жандармского управления, в денежных средствах он «не стесняется и ведет широкий образ жизни»²⁶.

Переход Эмилия Ильича Штемпеля на работу в правление Русского для внешней торговли банка был обусловлен, на наш взгляд, вполне прагматическими причинами. Хлеботорговая фирма Элиаса Маркова Штемпеля тесно сотрудничала с банком и вела расчеты с контрагентами через его многочисленные филиалы. Назначение одного из сыновей на должность юрисконсульта правления банка, кроме хорошего денежного оклада, давала семейству Штемпелей возможность быть в курсе всех финансовых операций учреждения, а при благоприятных условиях и влиять на принимаемые решения.

Начавшаяся война не только нарушила привычный образ жизни Эмилия Ильича Штемпеля, но и поставила под угрозу весь семейный бизнес в России. Ограничительные законы, принятые Советом министров, запрещали деятельность коммерческих организаций (акционерных обществ), принадлежащих подданным воюющих с Россией государств. Чтобы обойти юридические ограничения, Элиас Марков Штемпель находившиеся в России филиалы своей фирмы передал формально сыну Эмилию, имевшему российское подданство. Фактическое руководство компанией по-прежнему осуществлял отец, переехавший из Германии в Голландию.

Расширение в 1915 г. ограничительных мер по отношению к выходцам из враждебных государств угрожали уже не только бизнесу семейства Штемпелей, но и должности Эмилия в правлении коммерческого банка. Осознавая опасность развития событий по худшему сценарию, Эмилий Ильич Штемпель обращается 30 января (12 февраля) 1916 г. к императору Николаю II с всеподданнейшим прошением — не распространять на него ограничительных санкций.

Анализ документа показывает, что Э. И. Штемпель, составляя прошение, тщательно формулировал аргументы. Эмоционально звучат слова просителя о последствиях (прежде всего, материальных) распространения на него ограничительных правил. Весьма показательным является тот факт, что Э. И. Штемпель подкрепил свое прошение ходатайствами влиятельных людей Российской империи того времени — министра юстиции А. А. Хвостова²⁷, министра финансов П. Л. Барка²⁸, обер-прокурора Первого департамента Правительствующего Сената А. В. Степанова²⁹.

Прошение присяжного поверенного Э. И. Штемпеля после длительных «путешествий» по кабинетам чиновников различных ведомств было передано в Особый комитет по борьбе с немецким засильем. В течение нескольких месяцев шел сбор информации о личности Эмилия Ильича Штемпеля. Запросы были направлены в Министерство юстиции, Министерство внутренних дел, в органы военной контрразведки Военного министерства...

В ходе изучения вопроса о возможности освобождения Э. И. Штемпеля от действия санкций выяснилось, что за внешней благопристойностью просителя скрываются нелицеприятные факты его биографии и его родственников. Товарищ министра внутренних дел В. М. Волконский в своем письме от 28 июня (11 июля) 1916 г. сообщал управляющему делами Совета министров И. Н. Лодыженскому, что «проситель является сыном переехавшего после начала войны из Германии в Голландию австрийского подданного еврея Элиаса Штемпеля, владельца Дюссельдорфской хлеботорговой фирмы, которая имеет целый ряд экспортных отделений в разных городах России и заподозрена (как и сам ее владелец и его брат Мориц) в причастности к военному шпионажу»³⁰.

Также было установлено, что хлеботорговая кампания, которую возглавлял дядя Эмилия, Мориц Штемпель, уже в первые дни войны в нарушение эмбарго пыталась отправить из российских портов в Германию три парохода, груженных зерном. Благодаря своевременным принятым мерам, эти суда были задержаны в Черном море российскими военными кораблями.

Начальник отдела контрразведки 6-й армии Петроградского военного округа докладывал: «При возникновении войны управляющий Новороссийской конторой, брат владельца фирмы австрийский подданный Мориц Марков Штемпель, заподозренный в военном шпионстве, был выслан в административном порядке в Астраханскую губернию, и за прекращением экспорта хлебных продуктов конторе угрожало полное бездействие или ликвидация дела. Чтобы избежать этого Элиас [Марков] Штемпель передал все русские отделения фирмы своему сыну русскому подданному Эмилию Ильичу Штемпелю, служившему по судебному ведомству, а нынче занимающемуся адвокатурой в Петрограде ([улица] Симоновская, [дом] № 7). Новый владелец лично делами фирмы не заведывает, а эту роль исполняет новый управляющий Новороссийской конторой

швейцарский гражданин немец по национальности Шарль (Карл) Иосиф Баумгартен, он же — Баумгартнер, который находится, будто бы, в сношениях с Германией через Копенгаген или Гаагу, получая оттуда инструкции, очевидно, от проживающего там Элиаса [Маркова] Штемпеля»³¹.

Начальник Кубанского областного жандармского управления 11 (24) февраля 1916 г. информировал, что «при производстве обследования чинами вверенного ему управления» было установлено, что хлеботорговая фирма Элиаса Маркова Штемпеля, имеющая свои экспортные конторы в России в городах Новороссийске, Одессе, Мариуполе и Ейске «не только продолжает вести торговые дела с враждебными нам государствами, но и подает повод к подозрению в причастности к военному шпионству»³².

На основе анализа оперативной информации, собранной органами МВД и военной контрразведки об Э. И. Штемпеле и его родственниках, был сделан вывод, что деятельность хлеботорговой кампании Элиаса Маркова Штемпеля в условиях войны носит враждебный характер. В эту противоправную деятельность оказались вовлеченными и его родственники — брат Мориц и сын Эмилий. На основе полученных сведений Совет министров на своем заседании 12 (25) июля 1916 г. принял решение — прошение присяжного поверенного Эмилия Ильича Штемпеля «об изъятии его от действия ограничительного правила статьи 3 отдела II раздела Б узаконения 13 декабря 1915 года...» отклонить.

Был ли Эмилий Штемпель германским агентом? Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы не позволяют утверждать о его причастности к «военному шпионству». Нельзя исключать возможность сотрудничества Э. И. Штемпеля с германской разведкой «на доверительной основе». Исследования современных историков свидетельствуют, что значительная часть выходцев из Германии оказывала подобные «услуги» своей исторической родине.

Вместе с тем жесткая позиция властей по отношению к сотруднику Русского для внешней торговли банка, по мнению Г. Л. Соболева, могла быть обусловлена и кампанией дискредитации руководства банка, развернутой с началом войны. В этот процесс оказались вовлечены и Министерство внутренних дел, и органы военной контрразведки. По сведениям МВД, Русский для внешней торговли банк «занимается переводом денег в Германию через Centralbanken for Norge в Христиании»³³. В условиях войны такое обвинение (даже не доказанное) в адрес финансового учреждения имело серьезные последствия, что и подтвердили дальнейшие события.

Мы считаем, что деятельность семейства Штемпелей в России в годы Первой мировой войны носила исключительно коммерческий характер и была направлена на получение максимальной выгоды. Однако следует признать, что эта деятельность нарушала российские законы и наносила ущерб экономическим интересам страны. Поэтому решение органов государственной власти по ходатайству Э. И. Штемпеля об исключении его

из перечня лиц, подпадающих под ограничительное законодательство, было юридически мотивированным.

С текстом «всеподданнейшего прошения» Эмилия Ильича Штемпеля читатели могут ознакомиться ниже. В документе сохранен авторский стиль и орфография, что позволяет передать социально-политическую атмосферу того времени.

**Прощение Э. И. Штемпеля об исключении его из действия
ограничительного законодательства от 30 января 1916 года³⁴**

Ваше Императорское Величество
Августейший Монарх,
Всемилоостивейший Государь.

Просит надворный советник,
присяжный поверенный
Эмилий Ильич Штемпель,
жительствующий в Петрограде
по Каменноостровскому проспекту в доме № 26

ВСЕПОДДАННЕЙШЕЕ ПРОШЕНИЕ

Отец мой, австрийский подданный уроженец города Броды в Галиции, женившись в 1881 году 23-х лет от роду на моей матери, которая до брака была русской подданной, поселился в России, где прожил более 30-ти лет и вполне вошел в круг русской жизни.

Родившись от этого брака в 1882 году, я с первого дня рождения всегда жил в России, получив воспитание в чисто русском духе. Как среднее, так и высшее образование было мною получено также в России — в 1900 году я окончил курс Одесской 4-й гимназии и в 1904 году — Императорского Новороссийского университета.

Будучи, таким образом, как по рождению, так и по условиям среды, в которой я рос и воспитывался, глубоко предан России, и любя ее так, как только можно любить свою родину, я немедленно по достижении совершеннолетия пожелал и формально приобщиться к русской государственности. 2 сентября 1903 года я достиг совершеннолетия, а 24 ноября того же года. Будучи еще студентом, я уже был принят по моему ходатайству в русское подданство.

Немедленно по окончании университета я поступил на государственную службу по Министерству юстиции, где на меня неоднократно возлагались ответственные и доверительные обязанности: так в 1906 и 1907 годах я был командирован в Саратовскую губернию для производства предварительных следствий по аграрным беспорядкам и государственным преступлениям, находившимся в связи с революционным движением того времени.

Эта моя работа, очевидно, была признана успешной, ибо в 1908 году я был приглашен в состав сенаторской ревизии, по высочайшему повелению ревизовавшей Туркестанский край. Здесь мне было доверено обследование деятельности всех административных органов Ферганской области, а затем и ревизия некоторых отделов канцелярии генерал-губернатора, в том числе и секретных.

Немедленно по окончании работы по сенаторской ревизии я получил назначение на должность товарища прокурора Калужского окружного суда, в каковой должности пробыл около 5 лет, причем заведовал камерой прокурора, направлял дела судебного следователя по важнейшим делам и неоднократно исполнял обязанности прокурора.

Мои нравственные качества и убеждения ближе всего известны моему начальству — бывшему прокурору Калужского окружного суда, действительному с[татскому] с[оветнику] И. С. Данилову, который ныне находится на фронте в качестве уполномоченного города Москвы при 5-м Сибирском корпусе, а также бывшему прокурору Московской судебной палаты действительному с[татскому] с[оветнику] А. В. Степанову, ныне обер-прокурору Первого департамента Правительствующего Сената.

В 1913 году мне представилась возможность получить место юрисконсульта при правлении Русского для внешней торговли банка, каковое место давало мне возможность значительно улучшить мое материальное положение, благодаря довольно значительному окладу жалованья. Поэтому я оставил государственную службу, был принят в сословие Петроградской присяжной адвокатуры, и в течение двух с половиной лет состою на службе в названном банке, где на мое заключение передаются исключительно вопросы юридического характера.

Во время настоящей войны были изданы законы, ограничивающие права выходцев из подданства стран, находящихся в войне с Россией. Законы эти, распространяясь и на меня, причинили мне большое нравственное страдание, так как я не мог примириться с мыслью, что я не являюсь в России, к которой я привязан всей душой и которую с детства считаю своей родиной, полноправным сыном ея.

Дополнительный закон от 13 декабря 1915 года (Собрание узаконений и распоряжений правительства, ст. 2749) по вопросу о ликвидации землевладения и землепользования враждебных выходцев предоставляет для меня, помимо нравственных страданий, еще и угрозу реальной опасности. Пункт 3-й части II раздела Б названного закона редак-

тирован так, что может возбудить сомнение в моем праве продолжать службу в правлении Русского для внешней торговли банка.

Устранение от работы в банке имело бы для меня чрезвычайно тяжелые последствия, так как именно для этой работы я оставил государственную службу, на ней основаны мое материальное благополучие и расчеты на устройство моей дальнейшей судьбы.

Австрийское подданство моего отца не явилось бы препятствием к продолжению мною государственной службы, на которой мне были бы вверены государственные интересы, иногда весьма серьезного значения; между тем, юрисконсультская работа в банке, не имеющая ни малейшего государственного или политического значения, может быть при неблагоприятном толковании законов 2 февраля и 13 декабря 1915 года мне воспрещена.

Самая мысль об ограничении в правах не только враждебных подданных, но и выходцев, возникла вследствие германского закона о двойном подданстве. Такой закон, однако, был издан только в Германии, в Австрии же такого закона никогда не издавалось, что дает мне право надеяться на более снисходительное применение ко мне ограничительных законов.

Создавшееся для меня крайне тяжелое нравственное и материальное положение может быть устранено лишь в путях монаршего милосердия, и я позволяю себе, поэтому повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества всеподданнейшую просьбу — дабы повелено было не распространять на меня ограничений, установленных для австрийских выходцев законами 2 февраля и 13 декабря 1915 года.

Вашего Императорского Величества
верноподданный Эмилий Ильич Штемпель.

Петроград, января 30 дня 1916 года.

Российский государственный исторический архив. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 14. Л. 344 об.–345 об.

---

¹ Здесь и далее в тексте в скобках даты указаны по григорианскому календарю.

² Подробнее об этом см.: *Дякин В. С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // *Первая мировая война 1914–1918 гг.* М., 1968. С. 227–238.

³ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ С вступлением в войну Болгарии 14 (27) октября 1915 г. на стороне Тройственного союза ограничительное законодательство было распространено и на граждан Болгарии.

⁷ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 3 об.

⁸ Подсчитано автором по: РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 36. Л. 20–44 об.

⁹ См.: *Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 2001. С. 489.

¹⁰ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 3 февраля 1915 г. № 39. Отдел первый. Ст. 349.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же. Ст. 350.

¹⁴ Там же. Ст. 351.

¹⁵ См.: *Ерохина О. В.* Немецкое предпринимательство в хозяйственном комплексе Юга России: Автореферат дис. ... док. ист. наук. Воронеж, 2011. С. 35.

¹⁶ Документ №188. Инструкция о применении ликвидационных узаконений 1915 г., утвержденная советом министров. — URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/65596> (дата обращения: 21.01.2016)

¹⁷ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 66.

²⁰ *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны. СПб., 1998. С. 56.

²¹ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 14.

²² Там же. Л. 344 об.

²³ Там же. Л. 2.

²⁴ Русский для внешней торговли банк — частный акционерный банк. Основан в 1871 г. при участии германского банка «Дойче банк», с которым сохранял тесные связи на протяжении всего периода своего существования. Первым председателем правления был избран Е. И. Ламанский. Являлся одним из крупнейших банков России, имел 111 филиалов по всей стране. Перед Первой мировой войной занимал 3–4 места по объему операций, конкурируя с Азовско-Донским банком. Основная сфера деятельности — кредитование торговли, в том числе внешней. Наиболее активно финансировал предприятия сахарной промышленности (контролировал 20 % производства сахара в стране). Принимал участие в кредитовании других отраслей экономики в составе банковских групп как младший партнер. Участвовал в учреждении Общества заводов «Сормово», общества «Двигатель», финансировал «Общество электрического освещения 1886», патронировал общества Киевского машиностроительного завода, «Электрическая сила» и др. Центральный офис размещался с 1888 г. в Санкт-Петербурге в собственном здании на Большой Морской улице, дом № 32. В 1915–1916 гг. по проекту архитекторов Ф. Лидваля и Л. Бенуа для банка было выстроено здание (по адресу Большая Морская улица, дом № 18; по Кирпичному переулку, дом № 5–7; по набережной реки Мойки, дом № 63). В настоящее время в этом здании, перестроенном в 1929–1931 гг., размещается Государственный университет технологии и дизайна. В 1917 г. планировалось слияние с другими крупными банками России — Международным банком и Русским торгово-промышленным банком, которое не состоялось из-за разразившейся революции. Декретом ВЦИК от 14 (27) декабря 1917 г. вместе с другими частными банками был присоединен к Народному банку Российской Республики. Декретом СНК РСФСР от 26 января (8 февраля) 1918 г. акционерный капитал банка, наряду с акционерными капиталами других частных банков, был конфискован в пользу Народного банка Российской Республики.

²⁵ РГИА. Ф. 1483. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 356 об.

²⁷ Там же. Л. 346.

²⁸ Там же. Л. 344.

²⁹ Там же. Л. 343.

³⁰ Там же.

³¹ Там же. Л. 355–356 об.

³² Там же. Л. 356 об.

³³ Подробнее об этом см.: *Соболев Г. Л.* Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб., 2009. С. 67–68.

³⁴ Название документа дано автором статьи.

Бочков Е. А. Эмилий Штемпель — агент германской разведки или жертва ограничительного законодательства?» // Новейшая история России. 2016. № 1 (15). С. 213–225.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, профессор, Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулева (Санкт-Петербург, Россия); be57@yandex.ru

---

Emiliy Shtempel — The Agent of the German Intelligence or the Victim of the Limiting Legislature?

A publication by E. A. Botchkov

AUTHOR: Doctor of History, Professor, General A. V. Khrulev Military Academy of the Material and Technical Maintenance; be57@yandex.ru

¹ Dyakin V. S. 'Pervaja mirovaja vojna i meroprijatija po likvidacii tak nazываемого немецкого zasil'ja', *Pervaja mirovaja vojna 1914–1918 gg.* (Moscow, 1968).

² Milyukov P. N. *Vospominanija* (Moscow, 2001).

³ Erokhina O. V. *Nemeckoe predprinimatel'stvo v hozjajstvennom komplekse Yuga Rossii* [Doctor of History Dissertation] (Voronezh, 2011).

⁴ Sobolev I. G. *Bor'ba s «nemeckim zasil'em» v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny* (St. Petersburg, 1998).

⁵ Sobolev G. L. *Tajnyj sojuznik. Russkaja revoljucija i Germanija. 1914–1918* (St. Petersburg, 2009).